

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЦАРЯ ИРОДА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ (ДО КОРОНАЦИИ НИКОЛАЯ I)

Денка Н. Кръстева

(Шуменски университет „Епископ Константин Преславски“,
България, 9712 Шумен, ул. „Университетска“ 115)

В последнее десятилетие «новый историзм» завоевал позиции в русской гуманитарной науке. В составе этого научного направления обособляется изучение риторики и поэтики русской политической истории. На пересечении литературы и государственной идеологии реконструируется порождающая роль литературного произведения в текстуализации политической жизни – ее мифов, символов, нарративов. Можно утверждать, что, благодаря усилиям исследователей, уже располагаем достаточно полными представлениями о изобретении при помощи литературных текстов *Петербургского Олимпа, Великолепной монархии* и символов ее политики в рамках придворного церемониала петербургского периода.¹ Если иметь ввиду и семиотический анализ церковного церемониала «помазания на царство» с «уподоблением царя Христу» (установленный с конца XVI века в Московском царстве),² то, можно считать, что публичные образы Бога на Петербургском Олимпе и «царя Христа-Спасителя» в придворном церемониале и в богослужебной практике реконструированы.

Любопытство вызывают точки перерыва в составе панегирической цепи текстов, их возможная метафоризация и, соответственно, «негатив» двусоставного образа Русского Царя-Бога и «богомпомазанного, богомизбранного» земного Отца, наместника Отца небесного. Говоря словами Ст. Грийнблата, интересны «невидимые пули»,³ попадающие в придворный или церковный церемониал и нарушающие его монологичность. В этом случае литературный текст направлен рассеять придворный мираж о сакральности владетеля. Он направлен на снятие церемониального обличья с изобретенного образа монарха-демиурга «блаженствующей и благодатной России», ее Спасителя. С таких позиций обращаемся к кризисам вокруг обладания короной. Наше внимание привлекает эпизод этой ситуации – детоубийство, сопутствующее вступлению владетеля на престол или в ситуации охранения

¹ Вж. Уортман 2004; Зорин 2004; Проскурина 2005.

² Успенский 2000, 28.

³ Грийнблат 1991.

власти. Этот «эпизод» формирует устойчивый сюжет в рассказе о истории России, начиная с княжеского периода. Его представляют памятники литературы от *Сказания о Борисе и Глебе* и *Повести о начале Москвы* до романа Мережковского *14 декабря* в составе трилогии *Царство Зверя*, чье создание совпадает с концом монархии. Таким образом попадаем в точку пересечения между диахронным наблюдением над константой в составе культуры и синхронным «новоисторическим» анализом функционирования константы в определенном контексте.

Сначала поставим вопрос о характеристиках повторяющегося рассказа о детоубийстве за обладание властью.

Предварительные наблюдения над материалом позволяют заметить, что он построен на универсалиях из языческой и библейской образности, чем можно объяснить его единый образный словарь. Заметное место в этом словаре занимает мотив *кровопиющей власти, пожирающей людей*. Он активизирует языческие представления о жертвоприношениях идолу, о мифологическом Кроносе, поедающем своих детей во имя обладания власти, о фольклорном звере-кровопийце, о братоубийстве Каина и Иродовом избииении младенцев.

Имея ввиду жесткость проявления патернализма в составе русской культуры и активную востребованность этой структуры во всех проявлениях *Отеческой* власти (об этих представлениях свидетельствуют названия Бог-Отец, Царь-батюшка, священник-батюшка), то можно считать предопределенной страдательную позицию русского *дитя*, приносимого в жертву за обладание властью.

Следующее предварительное замечание над рассказом о владетеле-детоубийце связано с тем, что при анализе его возобновлений необходимо иметь ввиду специфику их подчиненности более общим представлениям об истории в религиозной или секуляризированной культуре. Так, контекст фундаментального для религиозного сознания принципа «эхо» – в представлениях об обновлении вечности – предопределяет отождествление современных событий с образцами сакральной истории из *Ветхого* и *Нового Завета*. Уже проведенные реконструкции начала проявления сюжета «детоубийства во имя власти» выявляют отождествление Святополка Окаянного с Каином в литургической практике, а Руси с Иудеей богоизбранного народа и его испытаний времени принятия христианства.⁴ За «избиение юных придворных» Бориса и Глеба Святополка отождествляют с Иродом.⁵

В дальнейших вариантах рассказа о избииении младенцев царства / убийстве наследника престола в рамках средневековой литературы Россия пред-

⁴ Успенский 2000, 22–39, 48.

⁵ Носовский – Фоменко: www.chronologia.org/car/06cs3.html.

стает как «крошечный мир», обладаемый языческим Кроносом, как Вавилон Навуходоносора, Израиль Саула, Иудея при Ироде. Как представляется, этот многоликий инвариант оформляется в сочинениях Курбского о жестокостях опричнины Ивана Грозного. В *Посланиях* опального князя Грозный – наследник кровопийственного рода князей московских, привыкших свою плоть есть, кровь пить; он – кровопийственный зверь, пожирающий Кронос. Грозный – Саул русской земли, от кого Бог снял свою милость.⁶ Он – возгордившийся Навуходоносор Вавилона. Наиболее подробно развернута аргументация сравнения Грозный *яко Ирод* в *Повести о князе московском: вместе с опричниками твоими [...]* разграбитель домов и убийца сыновей! [...] единокровных и близких по рождению братьев ты погубил, переполняя меру кровопийцев-отца твоего и матери твоей и деда – всем известно, сколько они убили...⁷ Обвинения Курбского по рассказам о истреблении Грозным христианского народа в церкви у алтаря и во время Пасхи, которые Грозный отвергает, соизмеримы с жестом псковского юродивого, подающего царю сырое мясо на церковной паперти во Пскове после погрома над Новгородом. Образ русского Царя Ирода в представлениях современников представляется частью народного политического богословия. Оно является негативом, подрывающим политическое богословие самого Грозного, чьим центром было представление обязанности царя наказывать и истреблять зло «яко Бог» и «яко архангел Михаил».⁸

Для языка раскольников, осуждающих погубления злым царя наговором, представительны сочинения Аввакума. Оспаривая титулатуру тишайшего и кроткого царя Алексея, он видит в нем кичливого Навуходоносора – владельца русским Вавилоном,⁹ Саула воинствующего и смутного царства: *отнежель враг развратил церковь [...] и кровь беспрестанно льется [...] А еретики ему блазнят и лагодят (обманывают и потворствуют – примечание переводчика) «Яко на кроткова Давыда, напасти и беды на тебя и на царство твое бывают».* А не молвят так: «Что, де, государь, войны те и смущение в царстве том, яко при Сауле царе...»¹⁰ В общем перечне отождествлений, полемизирующих с представлением о тишайшем царе, для нашей темы важно, что Аввакум сравнивает *новых жидов* – царя и мучителей рабов Христовых с Иродом, убивающим и после смерти – *яко Ирод древле прикажите, владык и старейшин галилейских на память кончины своей побить.*¹¹

⁶ Переписка 1986, 93.

⁷ Переписка 1986, 321–325.

⁸ Панченко – Успенский 1983, 67–72.

⁹ Аввакум 1989, 419, 431.

¹⁰ Аввакум 1989, 433.

¹¹ Аввакум 1989, 423.

Названный сюжет варьирует в связи с мотивом *Избиение народа-дитя Богородицы-матери России*. Об этом свидетельствуют *Стихи на измену Мазепы, изданные от лица всея России* Стефана Яворского (1709): *Се второй Ирод, исполнь смертна яда, – / Мазепа лютый убил мои чада*.¹² Очевидно, что образ оказывается устойчиво востребованным в литературном языке о битве за обладание властью и массовых преследованиях. Очевидно также, что фразеологизм «избиение младенцев», нарицательное имя «Ирод» (о злодее) устанавливаются в состав русского языка на правах означения исторической реальности преследований и жестокостей со стороны свирепствующего патернализма. Это со своей стороны подтверждает аксиомы культуры о истории русского народа-богоносца, о России-Богородице и земле Христовых страстей.

После смерти Грозного в эпоху самозванческой Смуты (конца XVI – начала XVII в.) фигура «самозванца Ирода» надолго входит в историю в значении «битва со Спасителем царства за обладание властью». Речь идет о надеждах, связываемых с малолетним наследником о Спасении богомданной власти и династического начала. В состав рассказа о гибели царевичей Дмитрия, Алексея, Петра II включаются слухи, толки и догадки, легенда о «Иродовом грехе» самозванца-владельца (каким народное сознание считало даже и Петра I и чаяло Спасение нравов и обычаев от Алексея). Само обновление легенды и ее распространение в XVII, XVIII, XIX веке при отсутствии прямых улик свидетельствует о склонности и привычке национального сознания связывать властолюбие лжецаря с детоубийством. «Рабоцарь», царь из рабов (по определению дьяка Ивана Тимофеева о Борисе Годунове)¹³ «представлялся загадочною смесью добра и зла, игроком, у которого чашки на весах совести постоянно колебались. При таком взгляде не было подозрения и нареkania, которого народная молва не была бы готова повесить на его имя».¹⁴ Как это известно, с царевичем Дмитрием связываются последние надежды на продолжение царского рода Рюриковичей. Результат восприятия нежеланного самозванца – легенда о им совершенном убийстве. Она находит свои повторения в слухах об отравлении 14-летнего внука Петра I, с кем связывали чаемое спасение трона от власти иноземцев в XVIII веке; в народном рассказе о отравлении Елисаветы Алексеевны – вдовы Александра I и смерти нерожденного младенца по вине Николая I.

К системе устойчивых образов в устойчивом историческом сюжете Смуты вокруг трона следует отнести царя и сыноубийство за обладание властью. Это явление анализировано с позиции символики Закона и его нарушения и раскрывают реализацию двойственного образ Царя-Христа – жерт-

¹² Русская силлабическая поэзия... 1970, 262.

¹³ Тимофеев 1987, 289.

¹⁴ Ключевский 1988, 24.

вы и судьи.¹⁵ М. Б. Плюханова выявляет сюжет языческого жертвоприношения-строительной жертвы в основах Города-царства и ради его спасения с ориентацией на сакральный образец, как основание монархического мифа.¹⁶

На наш взгляд, есть основания говорить о антимонархическом культурном мифе о Царе-Ироде, преследующем Спасителя-царевича, избивающем младенцев – народа – дитя и, «яко Ирод», истребляющем единокровных своих. Этот миф бытует в русском народно-религиозном сознании, противопоставляя себя мифу о Царе-Спасителе каждый раз в ситуации кризиса власти.

Названный устойчивый образ в русской истории оказывается активно востребованным литературой петербургского периода XVIII–XIX вв., периода секуляризации. В политических контекстах междуцарствия, связанных с преступным путем к трону, литературную концептуализацию Царя-Ирода или Самозванца-Ирода представляет ряд текстов: драма *Царь Максимилиан и непокорный сын его Адольф* (относящаяся к «негативу» правления Петра I и его сыноубийству); *Дмитрий Самозванец* Сумарокова; драма Державина *Ирод и Мариамна*; *Борис Годунов* А. Пушкина; *Дмитрий Самозванец* Ф. Булгарина; драма Лажечникова *Опричник*; *Князь Серебряный* А. К. Толстого с интерпретацией Ивана Грозного-Ирода. Заметим активную востребованность драмы, как формы мышления о кризисах власти. В этом случае образ Ирода является устойчивым негативом богов на Петербургском Олимпе. В составе секуляризации концептуализация Царя Ирода подчиняется аналогии, метафорическому переносу.

Остановимся только на одном фрагменте в литературной истории русского Ирода, созданном в XIX веке – во время правления Николая I (1825–1856). Попробуем предложить синхронное описание контекста от «вступления на престол» до «коронации».

В литературном сознании этой эпохи «оживают» темные углы русской истории. Сочинения Пушкина, И. Лажечникова, К. Масальского, А. К. Толстого, тюремные произведения декабристов утверждают устойчивость литературного сюжета «избиения младенцев» в литературной восстановке преследований и казней при Иване Грозном, самозванческой Смуты, эпохи Анны Иоановны и Бирона. Одно из возможных объяснений поведения литературы – инерция влияния романтического интереса к «ужасному», «потрясающему», исключительным «страстям» / народным страданиям. Второе объяснение – аллегорическое построение аналогии с современностью, основанное на освоенной русским литературным сознанием к концу XVIII века концепции Вико о повторяемости, цикличности в истории.¹⁷ Для читателя исто-

¹⁵ Безансон 1999.

¹⁶ Плюханова 1995.

¹⁷ Лотман 1997, 284.

рического художественного текста эпохи романтизма существенны не столько реалии прошлого, а ассоциации со злободневной современностью. Таким образом, возникает возможность наблюдать за участием художественных произведений в формировании «негатива» современных политических событий. Это раскрывают факты, связанные с историей чтения литературного произведения и прежде всего его циркуляции в идеологических контекстах.

Обратимся к контексту, в котором возник миф о Самозванце и Ироде – Николае I. Существенна речь нескольких «следов» из области социально-политической, религиозной мысли, устной культуры. В первую очередь отметим осмысление императорской власти как не-русской (немецкой) и самозванческой в декабристской поэзии первой четверти века. Обобщение этих представлений находим в частотном поэтическом мотиве *царь наш, немец русский* (*Агитационная песня* А. Бестужева и Рылеева), *Бог бродяжных иностранцев, / К нам зашедших за порог. / Бог, в особенности немец, / Вот он, вот он Русский бог* (*Русский бог* Вяземского, 1828 г.).

Во-вторых: значимо восприятие декабрьских событий с междоусобицей как Смуты¹⁸ и ее соизмеримость с самозванческой XVII в (в письме Пушкина Бенкендорфу от 16 апреля 1830 г. – *Все Смуты похожи одна на другую*). Такие представления породило междоусобице в ноябре – декабре 1825 г. по причинам, сложившимся еще при жизни Александра – тайное отречение Константина от престола в 1823 г., последованное тайным манифестом о принятии власти Николаем I, хранящимся в Сенате и в Московском Успенском соборе и известным только Александру, Аракчееву, Голицыну и митрополиту Филарету.¹⁹ В народном мнении Николай – самозванец, отнимающий власть, по праву принадлежащей Константину.

Погром 14 декабря вызывает память о погроме над непокорством Новгорода и «избиении младенцев». А, следовательно, ассоциацию между Иваном Грозным – Иродом и Николаем I. О такой рефлексии свидетельствует тюремная поэзия А. И. Одоевского: *Зосима. Новгородская святопись* (1829–1830 г.); *Старица-пророчица* (1829), *Неведомая странница* (1829–1830), *Кутья – Грозный злобно потешается...* (1829–1830).²⁰ Казнь безоружного множества, требующего Константина и поддерживающего молчаливое стояние «каре» офицеров перед Сенатом, отказавших присягнуть 14 декабря 1825 г. закрепила представление о Николае I, как о новом Грозном царе, очередном Ироде-самозванце.

Путь Николая к трону в прямом смысле слова прошел через трупы «избиенных» на Сенатской площади. Современникам пришлось воочию пе-

¹⁸ См. напр. Благово 1989, 303, 305.

¹⁹ Шильдер 1901, 93.

²⁰ Поэты-декабристы 1986, 281–289.

режить казнь народа-дитя Царем-Отцом во имя спасения «своей империи».²¹ Сегодня историки считают наиболее достоверным документом о жертвах 14 декабря запись чиновника министерства юстиции по статистическому отделению С. Н. Корсакова. Среди 1271 убитых на площади (среди них 973 «во фраках и шинелях», «женска пола», «малолетних», «черни») оказалось 19 малолетних детей. Много утонувших в Неве, где снаряды прорубали лед и бегущие пропадали в воду, «...известно, что очищая по правительственному приказу площадь и лед Невы, полиция сбрасывала в проруби не только трупы, но и раненых».²² Обобщением сокрушенных размышлений русских о наказывающем Законе, слиянном с самодержцем, могут быть слова Вяземского о суде Николая над мятежниками: *...в Совете и Сенате нет России! А если и есть и это она, то это Россия-самозванец [...] О подлые тигры! И вас-то называют всею Россиею, и в ваших кровожадных когтях хранится урна с ее жребием.*²³ Восприятие Самозванца, казнящего как Ирод народа-дитя в день битвы за престолом, продолжает народная легенда о Николае и детоубийстве племянника – законного наследника престола (нерожденного младенца Александра I и Елисаветы Алексеевны) на обратном пути Елисаветы из Таганрога. Легенда получила распространение после смерти вдовы Александра I в мае 1826 г.²⁴ Показателен народный рассказ о появлении трех звезд над дворцом императорской четы в Таганроге осенью 1825 г., до кончины Александра, который записан в воспоминаниях А. И. Михайловского-Данилевского: «во втором часу по полуночи многие жители Таганрога видели над дворцом три звезды, которые расходились, потом соединились в две вместе, и наконец одна из них упала, и за нею исчезла другая».²⁵ И. Грачева, высказывает предположение, что «Эти загадочные три звезды впоследствии, видимо, воспринимались как пророчество о смерти не только венценосной четы, но и нерожденного царского ребенка».²⁶

Под этот сюжет битвы Самозванца за обладание властью со Спасителем России можно подвести и мифологизацию саможертвенной смерти декабристов, их *Голгофу* и веру, что будут *одесную небесного отца*.²⁷

В связи с этим контекстом, сложившимся во время между вступлением на престол 14 декабря 1825 г., совпадающим с «избиением младенцев» на Сенатской площади, и коронацией в августе 1826 г., которой предшествовала казнь декабристов 13 июля, интересны следы функционирования лите-

²¹ Записки Николая I 1994, 332.

²² Нечкина 1985, 209.

²³ Лотман 1997а, 515.

²⁴ Викторова 1996.

²⁵ Цит. по Грачева 1998.

²⁶ <http://nauka.relis.ru/00/9800/0081201.shtml>

²⁷ Цебриков 1989, 432.

ратурных текстов в нем. Мы имеем ввиду запрет трагедии *Борис Годунов*, привезенной поэтом в Москву после его освобождения из опалы, сразу после казни декабристов и коронации. В более позднем письме Бенкендорфу (от 1830 года) Пушкин пишет о причинах неодобрения текста Николаем I – *из-за его чрезвычайной схожести с современностью*. В объяснениях Бенкендорфа среди неприемлемых мест для императора (нет сомнений, по причине возможных аллюзий, которых Николай боялся) оказалось обвинение Бориса в Иродовом грехе, как выражение, бытующее среди раскольников – «так говорят раскольники».²⁸ О длительности проявления аналогии «Николай – детоубийца» свидетельствует запись Пушкина в его дневнике 1833 г., связанная с недоумением о пропущенной цензурой постановке французской труппы *Дети Эдуарда* в Петербурге на сюжет убийства юных сыновей английского короля его братом. Для нас важна запись о толках и предположениях о ее запрете (*Трагедия, говорят, будет запрещена*).²⁹ Таким образом, в политическом контексте после декабря 1825 года литературные тексты на сюжет детоубийства за обладание властью оказываются субъектами, участвующими в сотворении и поддержании образа очередного Самозванца-русского Ирода наряду с народной легендой, с голосом раскольников. Этот образ, возрождающий традицию русского антимонархического мифа, – «пуля» в официальный придворный сценарий о *Борьбе с силами зла*, чье представление во дворце и на плац-параде состоялось вечером 14 декабря. Отец Отечества и его Спаситель³⁰ – Ирод в негативе церемониала, на фоне осеянной трупами площади рядом с дворцом. Он подрывает и придворную аналогию «Николай – Петр», чьим следом является и медаль, поднесенная императору 29 декабря 1826 года в день векового юбилея Академии наук: «...она имела с одной стороны портрет императора Николая, а на противоположной стороне была изображена Минерва, державшая лавровый венок над двойным портретом Петра Великого и Александра с надписью *Основателям и хранителям*».³¹ Двухликий образ Царя-Отца Отечества, Спасителя от зла и Ирода, избивающего народ-дитя является деталью в представлениях времени о двух Россиях.

Если интерпретировать «Иродово избиение младенцев» как структуру мышления и видеть формы ее проявления в рамках сурового охранительного режима Николая I, стремящегося задушить ростки свободной мысли, то этот

²⁸ Скабичевский 1892, 257.

²⁹ Пушкин 1981, 22.

³⁰ Уортман 2004, т. 1. 355.

³¹ Черты... 1868, 84–85.

сюжет окажется языком описания, метафорой русского абсолютизма второй четверти XIX века.

В традиционной культуре обвинение царя в Иродовом грехе творилось площадным словом юродивого. В условиях новой культуры очевидно перенятие «юродства политической истины ради» русским писателем и самим текстом – субъектом, функционирующим в идеологическом контексте кризиса государственности. Триада Смутного времени XVII в. «самозванец-детоубийца – раскольник – юродивый» оказывается восстановленной русским мышлением в очередной Смуте, о чьей цикличности в русской культуре пишет выдающийся ее знаток А. М. Панченко в одной из своих последних работ.³²

В качестве обобщения отметим, что есть основания в будущих версиях *Словаря констант русской культуры* включить концепт *Царь Ирод* как детализацию константы *Смута*.

После установления устойчивой практики концептуализации русского владетеля как Ирода возникает вопрос – откуда повторяемость Смуты, самозванчества, Иродова греха? Он требует специального рассмотрения, чтобы добиться ответов, которые могут быть связаны с идентичностью русской культуры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аввакум 1989 – Сочинения Аввакума // *Памятники литературы Древней Руси. XVII век. кн. 2*. Москва.
- Безансон 1999 – Безансон, А. *Убиенный царевич. Русская культура и национальное сознание: Закон и его нарушение*. Пер. С фр. Москва.
- Благово 1989 – Благово, Д. *Рассказы бабушки*. Из воспоминаний пяти поколений, записанные изобранные ее внуком Д. Благово. Ленинград: Литературные памятники.
- Викторова 1996 – Викторова, К. «Дело о Гавриилиаде» // *Наука и религия* 2.
- Грачева 1998 – Грачева, И. «Нельзя молиться за Царя Ирода...». Об исторической драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» // *Наука и жизнь* 12. (Электронное издание публикации: <http://nauka.relis.ru/00/9800/0081200.shtml>)
- Грийнблат 1991 – Грийнблат, С. Невидими куршуми: ренесансовият авторитет и неговото подриване. „Хенри IV“ и „Хенри V“ // *Литературна мисъл. кн. 7*.
- Записки Николая I 1994 – Записки Николая I // *14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа)*. Москва: Наука.
- Зорин 2004 – Зорин, А. *Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века*. Москва.
- Ключевский 1988 – Ключевский, В. О. *Курс русской истории. ч. 3*. Москва.

³² Панченко 1992.

- Костомаров 1989 – Костомаров, Н. *Исторические монографии и исследования*. кн. 1. Москва.
- Курбский 1986 – Андрей Курбский. Повесть о великом князе Московском // *Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века*. Москва.
- Лотман 1997 – Лотман, Ю. М. Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII – начала XIX столетия // Лотман, Ю. М. *О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). История русской прозы. Теория литературы*. Санкт-Петербург.
- Лотман 1997a – Лотман, Ю. М. П. А. Вяземский и движение декабристов // Лотман, Ю. М. *О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). История русской прозы. Теория литературы*. Санкт-Петербург.
- Мазурек 1999 – Мазурек, С. Смута // *Идеи в России. Ideas in Russia. Idee w Rosji*. т. 2.
- Нечкина 1985 – Нечкина, М. В. *День 14 декабря 1825*. Москва, изд. 3-е с изменениями.
- Носовский, Г. – Фоменко, А. Царь Славян // www.chronologia.org/car/06cs3.html.
- Панченко 1992 – Панченко, А. М. О специфике славянской цивилизации // *Знамя* 9.
- Панченко – Успенский 1983 – Панченко, А. М. – Успенский, Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // *Труды Отдела древнерусской литературы*. т. 37. Ленинград.
- Переписка 1986 – Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // *Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века*. Москва.
- Плюханова 1995 – Плюханова, М. Б. *Сюжеты и символы Московского царства*. Санкт-Петербург.
- Поэты-декабристы 1986 – *Поэты-декабристы. Стихотворения*. Москва.
- Проскурина 2005 – Проскурина, В. Петербургский миф и политика монументов: Петр Первый Екатерине Второй // *Новое литературное обозрение* 72.
- Пушкин 1981 – Пушкин, А. С. *Дневники* // *Собрание сочинений в 10-ти тт.* т. 10. Москва: Правда.
- Русская силлабическая поэзия... 1970 – *Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв.* Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. М. Панченко. Ленинград.
- Скабичевский 1892 – Скабичевский, А. М. *Очерки истории русской цензуры (1700–1863)*. Санкт-Петербург.
- Соловьев 1993 – Соловьев, С. М. *Сочинения*. кн. 3. *История России с древнейших времен*. т. 5–6. Москва.
- Тимофеев 1987 – Из «Временника» Ивана Тимофеева. Об избрании Бориса на царство... // *Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков*. Москва.
- Уортман 2004 – Уортман, Р. *Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии*. т. 1. *От Петра Великого до смерти Николая I*. Москва.
- Успенский 1996 – Успенский, Б. А. Царь и самозванец // Успенский, Б. А. *Избранные труды в 2 т. т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры*. Москва.
- Успенский 2000 – Успенский, Б. А. *Борис и Глеб. Восприятие истории в Древней Руси*. Москва.
- Успенский 2000a – Успенский, Б. А. *Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов*. Москва.

- Цебриков 1989 – Цебриков, Н. Р. Воспоминания о Кронверкской куртине. (Из записок декабриста) // *Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825*. Москва.
- Черты... 1868 – Черты из жизни и царствования императора Николая I // *Военный сборник* 3.
- Шильдер 1901 – Шильдер, Н. К. Царствование императора Николая I // *ХIХ век*. Санкт-Петербург.